

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81с25

ББК 81с18

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-59-70>

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ВОСПРИЯТИЯ ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА В АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Салах Абдулхуссейн Ал-амшани

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются проблемные аспекты восприятия поэзии С. Есенина в арабском мире. Особое внимание уделяется основным трудностям переводов, включая объективную сложность передачи названий, индивидуально-авторских и лингвокультурных особенностей произведений. На основе сравнительно-сопоставительного анализа переводов Х. Шарара, Х. аш-Шейха Джафара, А. ар-Рахмана аль-Хамиси, И. Макарема выявляются достоинства и недостатки используемых ими переводческих решений.

Ключевые слова: *Сергей Есенин, арабский язык, трудности перевода, новая интерпретация произведений*

Для цитирования: *Ал-амшани С. А.* Проблемы перевода и восприятия поэзии С. Есенина в арабской культуре // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 2. С. 59–70. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-59-70>

Original article

PROBLEMS OF TRANSLATION AND PERCEPTION OF S. YESENIN'S POETRY IN ARABIC CULTURE

Salah A. Al-amshani

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article examines challenging aspects of the perception of Sergei Yesenin's poetry in the Arab world. Despite Yesenin's current presence in the Arab cultural space, the study of his creative activity comes across several difficulties, the most important of them is the limited number of complete and accurate translations. The article discusses the following issues: the accuracy of translations of work titles; omissions of parts of the original text; linguistic and semantic errors; the introduction of vocabulary not found in the original; misunderstandings of Yesenin's original vocabulary; errors in the dating of works, etc. Other key challenges include the translator's objective difficulty in conveying the individual and cultural features of the works. Translations by H. Sharara, H. al-Sheikh Ja'far, A. ar-Rahman al-Khamisi, I. Makarem, and others are analyzed with the help of comparative and contextual methods. Many of Yesenin's notable works have not been translated yet, thus depriving Arab literary scholars of the necessary material for understanding the ideological and literary evolution of the poet's creativity. Consequently, the primary task is to develop an accurate, multi-level critical approach, including (in some cases) retranslation of major poems into modern Arabic and their analysis within the framework of literary and cultural studies, considering historical background as well as facts of Yesenin's biography. The article contributes to the development of the academic project aimed at strengthening Yesenin's presence in the Arab world.

Key words: *Sergey Yesenin, Arabic language, translation difficulties, new interpretation of works*

For citation: Al-amshani, S. A. (2026). Problems of translation and perception of S. Yesenin's poetry in Arabic culture. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 2, pp. 59-70. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-59-70>

Введение

Русская литература начала прокладывать себе путь в арабскую культуру с конца XIX в., чему способствовал дух интеллектуальной открытости арабской культурной элиты, а также не прямые переводы, выполненные главным образом с французского и английского языков. На первых этапах внимание было сосредоточено преимущественно на жанре романа, особенно на произведениях великих мастеров русской литературы (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и А. П. Чехов), поскольку именно русская проза богата нравственными и философскими проблемами, близкими читателю арабского мира в условиях преобразований эпохи арабского Возрождения.

Русская поэзия же оставалась в тени дольше, что объясняется особенностями поэтического русского языка и трудностью его адекватной передачи на арабский, а также ограниченными знаниями арабских переводчиков русского языка в то время. Тем не менее эта ситуация начала постепенно меняться с 1970-х гг., когда в некоторых арабских столицах, таких как Багдад, Дамаск и Каир, открылись академические кафедры, специализирующиеся на преподавании русского языка и литературы, чему способствовали растущие в то время культурные связи между арабским миром и Советским Союзом.

Это привело к включению антологий русской поэзии в университетские программы, а также к появлению первых переводов произведений поэтов Серебряного века и советской эпохи, среди которых особенно выделялся С. Есенин, привлечший внимание арабских читателей своей задушевностью, искренностью, открытостью, постоянным вниманием к сельской тематике, а также независимой позицией в новой постреволюционной реальности. Кроме того, учебные командировки в советские университеты способствовали расширению литературного горизонта арабских переводчиков, предоставляя возможность непосредственного знакомства с оригинальными текстами русской литературы. Все вместе взятое обусловило первые попытки перевода и адаптации русских поэтических произведений к арабскому культурному контексту.

Отметим немаловажное обстоятельство: именно творчество С. Есенина привлекло в первую очередь внимание ряда арабских переводчиков (среди которых немало поэтов) благодаря музыкальной структуре произведений, приятной арабскому слуху, и темам, перекликающимся с человеческим опытом в его наиболее эмоциональных проявлениях. Однако, несмотря на заметное присутствие в настоящее время С. Есенина в арабском культурном пространстве, изучение его поэтического наследия по-прежнему сталкивается с рядом трудностей, которые, к сожалению, неизбежно ограничивают степень распространения его творчества в арабском мире.

Главной из этих трудностей является ограниченность числа полных и наиболее точных переводов его произведений. Все это приводит к недостаточной изученности арабским литературоведением, например, прозы С. Есенина, имеющей, на наш взгляд, новаторский характер; его экспериментальной модернистской (имажинистской) поэтики, а также такой немаловажной проблемы, как литературно-творческие связи поэта с предшественниками и современниками. Сегодняшнее восприятие творчества С. Есенина в арабском мире во многом фрагментарно и узко по охвату, в то время как доминирующее

внимание уделяется биографическому аспекту, сосредоточенному в основном на трагической смерти поэта.

В этом плане обратим внимание на названия некоторых арабских статей, посвященных поэту: «История русского поэта, написавшего стихи кровью, а затем покончившего с собой»; «Утраченная тайна смерти Есенина»; «Сергей Есенин: печальный поэт русской деревни»; «Сергей Есенин: ночь поэтического самоубийства»; «Кто убил соловья? К 92-й годовщине со дня смерти деревенского поэта Есенина»; «Есенин и его отчуждение»; «Его личность была беспокойной. Женщины в жизни Сергея Есенина: вдохновение и страдание»; «Печальные стихи русского поэта Сергея Есенина»; «Сергей Есенин — скрипка печальной России»; «Трагедия Есенина в „Черном человеке“ в контексте других произведений мировой литературы»; «Трагическая судьба внучки Толстого». Перечисленные заголовки придают образу С. Есенина некую трагическую ауру, препятствующую объективному рассмотрению, и сужают рамки его творчества: он предстал только деревенским поэтом, одинаково чуждым как внутри своей страны, так и за ее пределами.

С помощью сравнительно-сопоставительного метода проанализируем отдельные переводы есенинских произведений на арабский язык, выполненные Х. Шарара, Х. аш-Шейхом Джафаром, А. ар-Рахманом аль-Хамиси, И. Макаремом и др., и систематизируем связанные с переводом наблюдения.

Предварительное рассмотрение арабских литературоведческих материалов, посвященных С. Есенину, свидетельствует, что значительная их часть сосредоточена на двух темах: любовь в жизни поэта и его загадочная смерть, в то время как почти не затрагивается проблема эволюции его поэтического стиля и творческий опыт в более широком литературно-критическом контексте. Научных статей, посвященных переводам произведений С. Есенина на арабский язык, в настоящее время явно недостаточно. В числе квалифицированных филологов, успешно работающих в указанном направлении, в первую очередь следует назвать И. Макарема, не только литературоведа, но и профессионального переводчика, автора ряда научных статей на указанную тему [Макарем, 2018, 2021, 2022a].

Кроме того, трудности поэтического перевода с русского на арабский стали дополнительным препятствием, особенно что касается передачи внутреннего ритма и звукового строя (музыкальности) — ключевых элементов эстетической структуры поэзии С. Есенина. Русская поэзия в целом строится на звуковой организации, которая является неотъемлемой частью ее художественного смысла, поэтому воспроизведение ее на арабском языке без потери оригинального звучания представляет собой чрезвычайно сложную задачу. К этому следует добавить, что многие поэтические образы, связанные с русской деревней — центральным художественным и символическим пространством в творчестве С. Есенина — могут казаться далекими от арабского культурного контекста, что требует дополнительной интерпретации, нередко выходящей за рамки буквального перевода.

Отметим и еще одно немаловажное обстоятельство: нехватку переводчиков, специализирующихся на русской поэзии. Как результат, арабские издатели сосредотачиваются на публикации русской прозы, поскольку она более привлекательна в коммерческом отношении и имеет более широкую читательскую аудиторию. Этим обстоятельством объясняется отсутствие переводов ключевых есенинских произведений, таких как лирико-эпическая поэма «Анна Снегина» — яркий пример взаимодействия личностного и эмоционального измерений с социальным и историческим и отражение способности

поэта синтезировать эпическую лирику с психологическим анализом внутреннего мира персонажей. Несомненно, отсутствие подобных произведений у арабского читателя препятствует формированию полной картины есенинских художественно-творческих и интеллектуальных трансформаций.

Данная ситуация обусловила закрепление образа Есенина в арабской культуре на избирательной основе: переводилась главным образом его любовная поэзия, его художественно-экспериментальные поиски не отмечались, вследствие чего он воспринимался только как поэт деревни. Кроме того, сами средства перевода способствовали восприятию его образа в трагическом ключе, превращая С. Есенина в чувствительного, нежного, подверженного печали поэта. В этом контексте особое внимание привлекало стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...», неоднократно переводившееся на арабский язык как поэтическая декларация о добровольном уходе.

Таким образом, арабское восприятие С. Есенина довольно длительное время не выходило за рамки трагического художественного дискурса. В культурном сознании арабского мира он утвердился как поэт природы и деревни, авторский голос которого характеризовался внутренней надломленностью, а его человеческий облик светился как печалью, так и любовью. Системный подход к исследованию есенинского творчества предполагает в первую очередь наличие точных переводов, позволяющих выйти за пределы биографического чтения к более широкому художественному и философскому осмыслению творчества национального русского поэта.

В совокупности все эти факторы свидетельствуют, что назрела настоятельная необходимость в последовательном изучении арабским литературоведением творчества Есенина как сложного многомерного системного явления. И первоочередное внимание в этом плане должно уделяться точности переводов есенинских произведений на арабский язык. Здесь важно все, начиная от переводов их названий и заканчивая точностью передачи поэтических смыслов, образов и художественно-стилистических особенностей текста.

Исследование и его результаты

Изучение проблемы восприятия поэзии С. Есенина в арабской культуре позволило выявить ряд наблюдений, связанных с ее переводом с русского языка на арабский.

1. Перевод названий произведений. Обратим внимание на проблему выбора названия при переводе есенинских произведений. Отдельные стихи переводятся вообще без названия (например, переводы Х. аш-Шейха Джафара). По словам переводчика, «чаще всего поэт пишет свои стихи без названия» [Аш-Шейх Джафар, 1980, с. 28]. В то же время некоторые произведения получили названия, не совпадающие с русским оригиналом. Здесь явно заметно тенденция к сокращению оригинального названия. Так, в переводе А. Джамуса стихотворение «Запели тесаные дроги...» (شرعت العربة الخشبية بالغناء) носит название «Дроги» (العربة) [Джамус, 1981, с. 122], что, несомненно, не только сужает, но и искажает общий смысл произведения.

Другой пример: А. аль-Хамиси стихотворению «Свищет ветер, серебряный ветер...» (الريح تصفر، الريح الفضية) дал название «Серебряный ветер» [Аль-Хамиси и др., 1985, с. 49], а стихотворению «Отговорила роща золотая...» (عن الكلام كفت الخميلة الذهب) — «Роща золотая» (الخميلة الذهب) [Аль-Хамиси и др., 1985, с. 43].

Аналогичным образом поступил И. Макарем в переводе стихотворения «Выткался на озере алый свет зари...» (هناك على شاطئ البحيرة انشق الفجر الأحمر القاني), где в качестве названия он оставил только два слова: «раскололась зря» (انشق الفجر) [Макарем, 2022b].

А. аль-Хамиси в некоторых случаях прибегал к добавлению своих названий, отсутствующих в оригинальном русском тексте: «Хороссанская девушка» (فتاة خراسان) для стихотворения «В Хороссане есть такие двери...» [Аль-Хамиси и др., 1985, с. 5] и «Уход молодости» (ارتحال الشباب) для стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу...» [Аль-Хамиси и др., 1985, с. 44].

В других переводах можно наблюдать, на наш взгляд, прямое искажение смысла названия: так, Ф. аль-Аллуш сократил название стихотворения «Я — пастух, мои палаты — меж зыбистых полей...» (أنا راعٍ ومراعي بين الحقول المتموجة) [Аль-Аллуш, 2002] до «Я — пастух» (أنا راعٍ). Аналогичная ситуация с переводом названия стихотворения «Черемуха» (بطمة الشمال): переводчик выбрал в качестве названия первые строки стихотворения: «Черемуха душистая» (هاهي بطمة الشمال الفواحة) [Аль-Аллуш, 2002]. Т. Зейн ад-Дин перевел название стихотворения «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» на арабский как «Персидская девушка» (الفتاة الفارسية) [Зейн ад-Дин, 2018, с. 289], в то время как А. аль-Хамиси назвал его «О, Ша-га-нэ» («يا ش — ж — ние») [Аль-Хамиси и др., 1985, с. 50], а А. Я. Хасан — «Шагана, моя любимая, Шагана» (شاغانه، حبيبتي، شاغانه) [Хасан, 2024, с. 25].

В переводах И. Макарема мы обнаруживаем, что иногда он выбирал отдельную строку из стихотворения в качестве названия. Например, стихотворение «Под венком лесной ромашки...» (تحت إكليل من أقحوان الغابة) он перевел на арабский язык как «Напрасно пытался найти потерянное» (عبثاً حاولت ما فقدت) [Макарем, 2022d]. В стихотворении «Я помню, любимая, помню...» (كم يخطر على بالي يا غالية) И. Макарем заменил слово «любимая» на «дорогая», а во второй строке добавил слово «шелковистых» (الحرير). Таким образом, есенинская строка «...Сиянье твоих волос» трансформировалась в «Красота твоих шелковистых волос» (جمال شعرك الحريري) [Макарем, 2023а]. Стихотворению «Заря окликает другую...» И. Макарем дал название «Звезды засыпают в первые мгновения рассвета» (النجوم تغفو في لحظات الفجر الأولى) [Макарем, 2023а].

При рассмотрении переводов названий стихотворений С. Есенина в контексте их содержания выявляется заметное различие в подходах переводчиков к передаче заглавий, что в разной степени отразилось на сохранении исходной семантики.

В ряде случаев стихотворения публиковались без названия, как, например, в некоторых переводах Х. аш-Шейха Джафара, что приводит к утрате семантической установки автора. Кроме того, иногда оригинальное название, представляющее собой первую строку стихотворения, сокращалось до слова или словосочетания: «Запели тесаные дроги...» — «Дроги», «Свищет ветер, серебряный ветер...» — «Серебряный ветер», «Отговорила роща золотая...» — «Роща золотая». Подобная замена может сужать или частично смещать смысловую перспективу произведения.

Подобные семантические неточности ослабляют индивидуально-эмоциональный характер текста («Шаганэ ты моя, Шаганэ!» — «Персидская девушка»), отдаляют заглавие от символической структуры оригинала («Заря окликает другую...» — «Звезды засыпают в первые мгновения рассвета»), редуцируют синтаксическую и образную полноту исходного названия («Выткался на озере алый свет зари...» — «Раскололась зря»).

В то же время некоторые переводческие решения можно считать удачными в силу их соответствия содержанию текста. Так, выбор А. аль-Хамиси

(«В Хороссане есть такие двери...» — «Хороссанская девушка», «Не жалею, не зову, не плачу...» — «Уход молодости») отражает тематическое ядро произведений, как и в переводе И. Макарема («Под венком лесной ромашки...» — «Напрасно пытался найти потерянное»), строки из текста были выделены в качестве заглавия с сохранением поэтического смысла. Здесь следует упомянуть и некоторые описательные добавления, усиливающие поэтический образ, например включение слова «шелковистых» в строку «Сиянье твоих волос».

К изменениям, не имеющим принципиального значения, можно отнести случаи сокращения заглавия без существенного изменения его семантики («Я — пастух, мои палаты — меж зыбистых полей...» — «Я — пастух», «Черемуха» — «Черемуха душистая...», «Шаганэ ты моя, Шаганэ!» — «Шагана, моя любимая, Шагана»).

Таким образом, переводческие стратегии в передаче оригинальных есенинских названий варьируются от опущения и сокращения до трансформации и добавления, а их оценка зависит от установки переводчика максимально сохранить семантическую и символическую структуры оригинала.

2. Множественность названий одного произведения. Явление множественности названий одного и того же произведения наблюдается, например, в стихотворении «Выткался на озере алый свет зари...». Если Т. Зейн ад-Дин передал название на арабском как «На озеро пролился красный свет зари» (انسكب فوق البحيرة ضوء الفجر الأحمر) [Зейн ад-Дин, 2018, с. 264], то Ф. аль-Аллуш предложил вариант «Заря тклет розовые лучи на озере» (ينسج لوردية على البحيرة) [Аль-Аллуш, 2002].

В названии поэмы «Черный человек» также наблюдается множественность переводческих интерпретаций: «Черный человек» (الرجل الأسود) [Аль-Рахби, 2012], «Черная личность» (الشخص الأسود) [Джамус, 2008, с. 514; Зейн ад-Дин, 2018, с. 313], «Черный призрак» (الشبح الأسود) [Абу-Шаар, 1986, с. 364; Абу-альвий, 2014, с. 77; Макарем, 2023b].

Особенно много различных названий в переводе на арабский язык получило стихотворение (или «маленькая поэма», как определяют его жанр российские есениноведы) «Исповедь хулигана». Перечислим только некоторые из них: «Исповедь буяна» (اعتراف عريبي) [Джамус, 1981, с. 129], «Исповедь босяка» (اعتراف صعلوك) [Аш-Шейх Джафар, 1980, с. 51], «Исповедь негодяя» (اعتراف شقي) [Камаль ад-Дин, Диюнок, 2016, с. 61; Истанбули, 2009], «Исповеди ворчуна» (اعترافات متذمر) [Иса, 2019, с. 180].

Сходство предложенных названий заключается в акцентировании черты бунтарства есенинского лирического героя, что является одной из его ключевых характеристик. Различие же состоит в степени смысловой резкости и оценочной окраски каждой лексемы: одни варианты смягчают конфликтный характер образа, другие, напротив, придают ему более выраженную нравственную негативность. На наш взгляд, название «Исповедь негодяя» в наибольшей степени соответствует содержанию произведения, поскольку точнее передает нравственно-оценочный подтекст и напряженную исповедальную интонацию текста.

3. Купирование текста произведения. При анализе есенинских переводов на арабский язык выявлено, что в некоторых из них опущены не только строки, но и целые строфы. Так, в стихотворении «Письмо матери» (رسالة الى امي) [Аль-Аллуш, 2002] переводчик опустил две важные строки:

*И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.*

Кроме того, отсутствует и завершающий катрен стихотворения:

*Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

Приведенный отрывок имеет принципиальное значение для понимания идейно-эмоционального содержания стихотворения. Фраза «И молиться не учи меня. Не надо! / К старому возврата больше нет» выражает внутренний разрыв лирического героя с прежним укладом жизни, традиционными религиозными и нравственными установками. Здесь концентрируется мотив необратимости жизненного пути и трагическое осознание невозможности возвращения к прошлому.

Заключительный катрен выполняет композиционно и эмоционально важную функцию: он смягчает предшествующую драматическую интонацию и вновь обращает героя к матери, демонстрируя его нежную заботу о ней и сыновнюю любовь. Именно в финале раскрывается глубинный конфликт стихотворения — сочетание раскаяния, боли и стремления оградить мать от тревоги. Таким образом, опущенные строки не относятся к числу второстепенных.

4. Языковые и семантические ошибки. В названии стихотворения «Собаке Качалова» (إلى كلب كاتشالوف) некоторые лингвисты допустили грамматическую ошибку, обернувшуюся ошибкой фактической, переведя произведение как «Собака Качалова» (كلب كاتشالوف) [Аш-Шейх Джафар, 1980, с. 131; Зейн ад-Дин, 2018, с. 295]. Падеж в этом заглавии имеет большое значение, так как определяет грамматические и семантические отношения между словами и, следовательно, влияет на понимание текста читателем. Форма дательного падежа указывает на то, что собака — адресат, т. е. стихотворение обращено к ней, тогда как форма именительного падежа меняет смысл и снижает точность перевода. Таким образом, игнорирование оригинального падежа ведет к потере выразительного и коммуникативного аспекта заголовка и искажает отношения между говорящим и адресатом в тексте, что подчеркивает важность грамматической точности в поэтическом переводе.

В стихотворении «Песнь о собаке» (انشودة عن الكلبة) Х. аш-Шейх Джафар перевел название как «Песня собаки» (أغنية الكلبة), что уже с самого начала чудовищно искажает смысл произведения. Лингвист не принял во внимание, что слово «собака» в названии стихотворения стоит в предложном падеже, и перевел его в родительном. Да и слово «песнь» в русском языке имеет более высокое, торжественное значение, сравнимое по смыслу со словами «гимн» или «ода». Поэтому подобный перевод не только меняет смысл, но и ослабляет поэтический пафос, задуманный С. Есениным [Аш-Шейх Джафар, 1980, с. 37]. Здесь напрашивается аналогия — название стихотворения «Песнь дождя» (انشودة المطر) иракского поэта Б. Шакира ас-Сайяба.

В стихотворении «Письмо матери» (رسالة الى امي) переводчики использовали различные эквиваленты для слова «шушун»: «пальто» (معطف) [Шарара, 1983, с. 437; Зейн ад-Дин, 2018, с. 273], «платье» (فستان) [Аль-Аллуш, 2002], «куртка» (سترة) [Аш-Шейх Джафар, 1980, с. 92]. Однако более уместным, по нашему убеждению, для передачи русского контекста в арабском переводе является слово «джубба»: именно оно наиболее адекватно передает специфику рызанской деревенской среды, в которой вырос поэт. Джубба (جُبَّة) — традиционная длинная и свободная одежда с длинными рукавами, которую носят по-

верх других вещей; она была распространена в арабском и исламском мире с древних времен.

Заметим, что в переводе того же стихотворения («Письмо матери») у Т. Зейн ад-Дина и Ф. аль-Аллуша во второй строке присутствует выражение: «Мир тебе, мир тебе!» (سلام عليك، سلام) [Зейн ад-Дин, 2018, с. 272; Аль-Аллуш, 2002], в то время как в русском оригинале оно отсутствует, а имеется «Привет тебе, привет!» (سلام إليك، سلام). По-арабски выражение «Мир тебе!» передает оттенок официального приветствия, тогда как правильная формулировка «Привет тебе!» (سلام إليك) гораздо ближе по духу к интонации интимности и тоски, которую С. Есенин выражает по отношению к своей матери после долгой разлуки.

Сравнительно-сопоставительный анализ переводов есенинского стихотворения «Письмо матери» также показал, что многими переводчиками было неверно понято слово «сад» (в оригинале означающее деревенский сад) (بستان). В арабских переводах можно встретить различные варианты, чаще всего «цветочный палисадник» (حديقة للزهور). Подобная подмена понятий меняет художественную образность произведения с сельской на городскую. Тем не менее нередко переводчики предлагают удачные, на наш взгляд, переводы:

*Я возвращусь, когда наш сад волшебной рукой
протянет ветви весенних цветущих растений.*

[Аль-Хамиси и др., 1985, с. 46]

أنني عائد لما حديقتنا يد السحر
تمد غصوناً زمن الربيع بأزهر النبات.

*Ждите меня тогда, когда будут распростерты
ветви нашего сада по-весеннему, словно белый шатер.*

[Аш-Шейх Джафар, 1980, с. 94]

انتظريني، إذن، حين تنتصب
أغصان حديقتنا خيمة بيضاء في الربيع

*Я вернусь, когда в нашем белом саду
будут распростерты ветви по-весеннему.*

[Шарара, 1983, с. 438]

سأعود عندما تنشر حديقتنا البيضاء
الأغصان على النمط الربيعي.

*Я вернусь, когда расцветут ветви
нашего белого сада весной.*

[Аль-Аллуш, 2002]

سأعود عندما تتفتح أغصان
حديقتنا البيضاء في الربيع

*Я вернусь, когда протянутся ветви
в нашем весеннем белом саду.*

[Зейн ад-Дин, 2018, с. 273]

سأعود عندما تمتد الأغصان،
في حديقتنا الربيعية البيضاء

Аналогичным образом то же значение слова «сад» было использовано в переводе стихотворения «Отговорила роща золотая...»:

*В саду пылает куст красной рябины,
Но не сжигает никого.*

[Аш-Шейх Джафар, 1980, с. 97]

وفي الحديقة تلتهب شعلة الغبراء الحمراء
دون أن تحرق أحداً

*И разгорается очаг красного боярышника в саду,
Но он не может согреть никого.*

[Зейн ад-Дин, 2018, с. 274–275]

ويلتهب موقد العناب الأحمر في الحديقة
لكنه لا يستطيع أن يدفئ أحداً

5. Добавление отсутствующей в оригинале лексики. Иногда в перевод вводятся лексемы, отсутствующие в оригинальном тексте. Так, например, в стихотворении «Черемуха» (بطمة الشمال) встречается слово «снег»: «Северный тополь стяхнул с платья снег» (نفضت بطمة الشمال الثلج عن ثوبها) [Аль-Аллуш, 2002], хотя в оригинале его нет.

В стихотворении «Письмо матери» тот же переводчик «финский нож» переводит как «финикийский». В обратном переводе на русский с арабского: «Он вонзил в мое сердце финикийский нож» (قد غرز في قلبي سكيناً فينيقية) [Аль-Аллаш, 2002], что не имеет опоры в оригинале.

Различие между финским и финикийским ножом очевидно, ибо оно заключается в происхождении, времени появления и сфере применения: финский нож («финка»), связанный с криминальной средой, получил широкое распространение в России в начале XX в., когда было написано стихотворение «Письмо к матери» (1924 г.).

Финикийский нож, напротив, связан с древней цивилизацией Леванта и не имеет отношения к России или контексту стихотворения. Более того, русские обычно вместо названия «финикийская цивилизация» используют наименование «цивилизация Леванта». Поэтому логично предположить, что в историческом контексте стихотворения перевод термина как «финикийский нож» является фактической ошибкой.

И. Макарем также указал на эту ошибку в переводе Ф. аль-Аллаша: «Думаю, что Есенину следовало бы искать такой кинжал в музеях России» [Макарем, 2022с], что подчеркивает важность исторической и географической точности при передаче культурных и литературных терминов.

6. Ошибки в датировке. Существуют неточности и в датировке произведений. Так, Т. Зейн ад-Дин отнес стихотворение «Лисица» (الثعلبية) к 1916 г. [Зейн ад-Дин, 2018, с. 270], хотя на самом деле оно было написано в 1915 г. Аналогично поступил переводчик Х. аш-Шейх Джафар: он датировал стихотворение «Собаке Качалова» 1924 г. [Аш-Шейх Джафар, 1980, с. 133], тогда как правильная дата — 1925 г.

7. Избирательность в выборе текстов. В основном переводчики не смогли передать полную картину поэтического опыта С. Есенина, учитывая избирательность в выборе произведений. При этом особое внимание сосредоточено на отдельных любовных и эмоциональных стихотворениях, в то время как другие аспекты есенинского поэтического опыта упускаются. Переводчики склонны отдавать предпочтение отдельным текстам, не обеспечивая целостности представления о есенинском творчестве в сознании арабского читателя.

8. Отсутствие оригинального текста. Во многих арабских переводах не приведен оригинальный русский текст или даже его название, что лишает читателя возможности сравнения и делает принятую версию перевода окончательной.

Заключение

Таким образом, перечисленные и проанализированные недочеты и упущения в переводе произведений С. Есенина на арабский язык обусловлены рядом взаимосвязанных факторов, среди которых особенно выделяются избирательность в выборе переводимых текстов, отсутствие тщательной научной редакции переводов, а также объективная сложность передачи стилистических, символично-метафорических и мелодических особенностей художественных произведений поэта.

Специфика есенинских переводов диктует настоятельную потребность обращения к ним опытных переводчиков, не только хорошо владеющих русским языком, но и обладающих поэтическим чутьем, а также глубоким знанием русской и арабской культур. Как отмечает И. Макарем, есть «много переведенных текстов, но отсутствуют критические исследования того, что переводится» [Макарем, 2022d]. Несмотря на это, выделим арабских переводчи-

ков, уже немало сделавших для того, чтобы познакомить арабскую аудиторию с творчеством русского поэта: Х. Шарара, Х. аш-Шейх Джафар, А. ар-Рахман аль-Хамиси, И. Макарем, Ф. аль-Аллуш. Эти лингвисты пытаются передать дух есенинских произведений и их внутреннюю музыкальность на арабский язык.

К сожалению, некоторые ключевые произведения С. Есенина до настоящего времени остаются непереуевенными, лишая арабских литературоведов необходимого материала для понимания идейно-художественной эволюции творчества поэта. Следовательно, основная задача состоит в разработке точных многоуровневых критических подходов, включающих (в ряде случаев) повторный перевод крупных произведений на современный арабский язык и их анализ в рамках литературоведения и культурологии.

Думается, это вопрос может быть решен путем создания академических программ и мастер-классов, а также запуска совместных российско-арабских энциклопедических проектов. По нашему убеждению, такой подход не только укрепит присутствие С. Есенина в арабской культуре, но и откроет новый путь к расширенному восприятию художественного опыта национального русского поэта в мире, укрепив культурный диалог между двумя цивилизациями.

Список источников

- Абу-альвий М.* Поэт Есенин. 1895–1925 // Аль-Маукеф Аль-Адаби. 2014. № 520. 1 авг. С. 71–78. (На араб. яз.).
- Абу-Шаар А.* Советская (русская) поэзия 1900–1980 гг. Дамаск: Карам, 1986. 628 с. (На араб. яз.).
- Аль-Аллуш Ф.* Сергей Есенин... Последний поэт русской деревни // Аль-Баян Аль-Такафи. 2002. № 121. 5 мая. (На араб. яз.).
- Аль-Рахби А. М.* Сергей Есенин, сладость жизни и поэзии // Джихат Аль-Шиэр. 2012. 16 авг. (На араб. яз.).
- Аль-Хамиси А. и др.* Стихи советских поэтов. М.: Радуга, 1985. 452 с. (На араб. яз.).
- Аш-Шейх Джафар Х.* Есенин. Избр. стихотворения. Багдад: Дар Аль-Рашид, 1980. 180 с. (На араб. яз.).
- Джамус А.* Есенин (Сергей) // Арабская энциклопедия. Дамаск: Сирийское араб. энцикл. изд-во, 2008. Т. 22. С. 514. (На араб. яз.).
- Джамус А.* Стихи Сергея Есенина // Аль-Адааб Аль-Ажнбейа. 1981. № 26. 1 янв. С. 118–148. (На араб. яз.).
- Зейн ад-Дин Т.* Одинокий среди голой степи // Аль-Маэрифа. 2018. № 653. С. 259–319. (На араб. яз.).
- Иса А.* Избранное из русской поэзии. Аль-Бира: Министерство культуры Палестины, 2019. 230 с. (На араб. яз.).
- Истанбули И.* Грустные стихотворения русского поэта Сергея Есенина // Страницы Сирии. 2009. 22 марта. (На араб. яз.).
- Камаль ад-дин З.С., Диюнок К.М.* Есенин – последний поэт русских деревень (избранные стихотворения). Багдад: Аль-Маэрефа, 2016. 69 с. (На араб. яз.).
- Макарем И. Ф.* Есенин в арабских переводах: из опыта переводчика // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха: сб. науч. тр. М.; Константиново; Рязань, 2018. Ч. III. С. 163–167.
- Макарем И. Ф.* Стихи Сергея Есенина в переводе на арабский язык // Современное есениноведение. 2021. № 3 (58). С. 79–85.
- Макарем И. Ф.* (а) Переводы стихотворений великого русского поэта С. А. Есенина на арабский язык // Современное есениноведение. 2022. № 1 (60). С. 67–72.
- Макарем И.* (б) Сергей Есенин: «Заря взошла» // Аль-Мутакаф. 2022. 22 июля. (На араб. яз.).

- Макарем И. (с) Сергей Есенин: «Письмо к матери» // Аль-Мутакаф. 2022. 13 авг. (На араб. яз.).
- Макарем И. (d) Сергей Есенин: «Старый сельский дом» // Аль-Мутакаф. 2022. 5 сент. (На араб. яз.).
- Макарем И. (а) В честь 128-й годовщины со дня рождения великого русского поэта Сергея Есенина // Аль-Мутакаф. 2023. 1 сент. (На араб. яз.).
- Макарем И. (b) Сергей Есенин: «Черный призрак» // Аль-Мутакаф. 2023. 28 марта. (На араб. яз.).
- Хасан А. Я. Русские любовные стихи. Ирак, Вавилон: Абджад, 2024. 201 с. (На араб. яз.).
- Шарара Х. Из дивана русской поэзии. Бейрут: Арабский фонд исследований и публикаций, 1983. 480 с. (На араб. яз.).

References

- Abu-Alwi, M. (2014). The poet Yesenin. 1895-1925. *Al-Mawqef al-Adabi*, no. 520, August 1, pp. 71-78. (In Arabic).
- Abu-shear, A. (1986). Soviet (Russian) poetry of the 1900-1980s. Damascus, Karam, 628 p. (In Arabic).
- Al-Allush, F. (2002). Sergei Yesenin... The last poet of the Russian village. *Al-Bayan al-Thaqafi*, no. 121, May 5. (In Arabic).
- Al-Khamisi, A. et al. (1985). *Poems by Soviet poets*. Moscow, Rainbow, 452 p. (In Arabic).
- Al-Rahbi, A.M. (2012). Sergei Yesenin: the delight of life and poetry. *Jehat al-She'r*, August 16. (In Arabic).
- Ash-Sheikh Jafar, H. (1980). *Yesenin. Selected poems*. Baghdad: Dar Al-Rashid, 180 p. (In Arabic).
- Hassan, A.Y. (2024). *Russian love Poems*. Babylon, Abjad Foundation, 201 p. (In Arabic).
- Issa, A. (2019). *Selections from Russian Poetry*. Al-Bireh, Palestinian Ministry of Culture, 230 pp. (In Arabic).
- Istanbuli, I. (2009). Sad poems by the Russian Sergei Yesenin. *Syria Pages*, March 22. (In Arabic).
- Jamous, A. (1981). Poems by Sergei Yesenin. *Foreign Literature Magazine*, no. 26, January 1, pp. 118-148. (In Arabic).
- Jamous, A. (2008). Yesenin (Sergei). *The Arab Encyclopedia*. Damascus, The Arab Encyclopedia Authority, vol. 22, p. 514. (In Arabic).
- Kamal ad-Din, Z. S. and Diounak, K. M. (2016). Yesenin: the last Russian village poet (Selected poems). Baghdad, Al-Ma'rifa, 69 p. (In Arabic).
- Makarem, I. F. (2018). Yesenin in Arabic translations: from the experience of a translator. *Sergey Yesenin. Personality. Creativity. Epoch*. Collection of scientific works. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, part 2, pp. 162-167. (In Russian).
- Makarem, I.F. (2021). Poems by Sergei Yesenin translated into Arabic. *Contemporary Esenin Study*, no. 3, pp. 79-85. (In Russian).
- Makarem, I. F. (2022a). Translations of the poems of the great Russian poet S. A. Yesenin into Arabic. *Contemporary Esenin Study*, no. 1, pp. 67-72. (In Russian).
- Makarem, I. (2022b). Sergei Yesenin: "The Dawn Broke". *Al-Mothaqqaf*, July 22. (In Arabic).
- Makarem, I. (2022c). Sergey Yesenin: "A Letter to My Mother". *Al-Mothaqqaf*, August 13. (In Arabic).
- Makarem, I. (2022d). Sergei Yesenin: "The Old Rural House". *Al-Mothaqqaf*, September 5. (In Arabic).
- Makarem, I. (2023a). Celebrating the 128th anniversary of the birth of the great Russian poet Sergei Yesenin. *Al-Mothaqqaf*, September 1. (In Arabic).
- Makarem, I. (2023b). Sergei Yesenin: "The Black Phantom". *Al-Mothaqqaf*, March 28. (In Arabic).

Sharara, H. (1983). *From the divan of Russian poetry*. Beirut, Arab Research and Publication Foundation, 480 p. (In Arabic).

Zain ad-Din, T. (2018). Alone in the Bare Steppe. *Knowledge*, no. 653, pp. 259-319. (In Arabic).

Сведения об авторе

Ал-амшани Салах Абдулхуссейн – аспирант, salahalemshany@gmail.com

Information about the Author

Salah A. Al-amshani – postgraduate student, salahalemshany@gmail.com

Статья поступила в редакцию 19.11.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2026; принята к публикации 09.04.2026.

The article was submitted 19.11.2025; approved after reviewing 09.04.2026; accepted for publication 09.04.2026.